ХИЛКОВЪ СЪ ТОВАРИЩАМИ.

Давно уже, въ 1743 году, мезенскій купецъ Окладчиковъ отправилъ изъ Бѣлаго моря въ Ледовитое судно, на китовый и тюленій промыселъ. Противными вѣтрами и льдами пронесло ихъ мимо Шпицбергена, къ нежилому островку. Тутъ затерло судно льдомъ и потому рѣшили отправить четырехъ человѣкъ на поискъ, на островъ, гдѣ по слухамъ была поставлена когда–то изба, для зимовки.

Четверо эти были: штурманъ Алексѣй Хилковъ, крестникъ его Иванъ, да Шараповъ и Вершинъ. По пловучимъ льдинамъ пробирались они слишкомъ три версты до берега, идучи налегкѣ, чтобы не потонуть. Они нашли избу, переночевали въ ней, и воротившись поутру за товарищами на берегъ, не вѣрили глазамъ своимъ: предъ ними чистое море, по край свѣта, ни льду ни судна. Долго стояли они и немогли опомниться — не навожденіе ли это? Но наконецъ надо было повѣрить.

При нихъ было одно ружье и 12 зарядовъ, топоръ, ножъ, котелокъ, полпуда муки, трутъ съ огнивомъ, трубки съ табакомъ — и только. Какъ ни горестно было ихъ положеніе, на нежиломъ острову, на краю сѣвера, куда никто не заходитъ и гдѣ, вѣроятно, надо было имъ погибнуть; но на первый случай они были спасены, тогда какъ товарищи ихъ погибли: судно затерло льдами, унесло, и оно пропало безъ вѣсти.

Потуживъ, воротились ребята наши въ избу, вычинили и ухитили ее мохомъ; лѣсу растущаго нѣтъ въ этихъ краяхъ, но выкидываетъ его много на берегъ, и они собрали топлива. На острову были олени, бѣлые медвѣди и песцы; жалѣя зарядовъ, плѣнники наши берегли ихъ для оленей, на мясо, а на медвѣдей ходили съ одними рогатинами; они нашли на берегу нѣсколько досокъ и брусьевъ, отъ какого–то разбитаго судна; въ брусьяхъ были гвозди и большой желѣзный крюкъ; нужда всему научитъ: Хилковъ съ товарищами устроили кузницу, выковавъ сперва голышомъ на голышѣ изъ крюка молотокъ, а молоткомъ на голышѣ —

изъ гвоздей — копья, насадили ихъ ремнями на ратовище изъ наноснаго лѣсу и этимъ воевали.

Но на бѣлаго медвѣдя, какъ сказывали они, итти страшно. Сперва они убили, двѣнадцатью зарядами, 12 оленей; а когда съѣли ихъ и голодъ сказался, тогда только пошли съ рогатинами на медвѣдя. Да, голодъ злодѣй: стараго добра не помнитъ.

Морозы стояли жестокіе, какихъ мы здѣсь и не знаемъ, а ночь въ тѣхъ мѣстахъ, куда солнце попадаетъ только лѣтомъ, ночь во всю зиму: тамъ вся зима одна ночь. Набравъ оленьяго жиру, заготовили они на эту нескончаемую ночь плошку; глины нашли они и хоть не гончары, а кой какъ плошку слѣпили. Но оказалось, что она пропускаетъ жиръ, поэтому сдѣлали они другую, обожгли ее и еще облѣпили тѣстомъ, — и въ ней горѣлъ у нихъ неугасаемый свѣтецъ.

Прошелъ годъ. Поселенцы наши смастерили лукъ, изъ какого–то корня, выкинутаго на берегъ, и стрѣляли имъ песцовъ и оленей. Медвѣжатина имъ также

по вкусу пришлась — видно голодъ не разборчивъ — а изъ сухожилья медвѣжьяго они драли нитки, а также сдѣлали тетиву на лукъ.

Скоро одежда ихъ износилась въ отрепья и они принялись выдѣлывать сыромять оленью, съ шерстью и голую, и изъ нея шили себѣ обувь и одежду. На это надо было имъ смастерить напередъ иглу, изъ гвоздя или проволоки. По временамъ бѣлые медвѣди на нихъ нападали люто; перваго убили они, напавъ на него сами, а послѣ того оборонялись только и дружно ходили на тѣхъ, которые лѣзли къ нимъ въ избу, въ гости. Звѣрь этотъ сильно ихъ одолѣвалъ.

Прошелъ и другой годъ, и третій и четвертый — все одно, все тоже. Казалось, заключенникамъ нашимъ всѣмъ тутъ сложить кости свои. На шестомъ году житья ихъ на островѣ Вершинъ померъ. Простившись съ нимъ и схоронивъ его въ снѣгу, они вышли на берегъ розмыкать горе — въ ожиданіи тойже участи — какъ вдругъ увидѣли издали судно.

Трудно, живучи съ людьми, понять радость этихъ невольныхъ отшельниковъ. Они развели огни, пустили дымъ подъ облака, и подняли на шестахъ одежду свою. Мореходы увидѣли знаки эти, подошли и прислали лодку.

Это было архангельское же судно, шедшее къ Шпицбергену, и занесенное сюда непогодой.

Бѣдовики наши забрали съ собой все имущество — что на пользу, а что на память, и 50 пудовъ звѣринаго сала и нѣсколько сотъ песцовъ, и рогатины свои и луки со стрѣлами. Они пробыли на островѣ 6 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Долго не могли они привыкнуть опять къ нашей пищѣ; ѣвши 6 лѣтъ одно только мясо, они не могли ѣсть хлѣба. Но на привычку есть отвычка: черезъ годъ со-днемъ и они опять вошли въ свою колею и снова жили съ людьми по людски.